

Юбилей слависта, индоевропеиста, специалиста по общему языкознанию

*© доктор филологических наук В.Г. Кульпина,
доктор филологических наук В.А. Татаринов, 2010*

Обзор посвящен юбилею польского ученого Витольда Маньчака, автора более 600 печатных работ по славистике, индоевропеистике, общему языкознанию (см. посвященную его 70-летию книгу *Munus amicitiae. Studia językoznawcze dedykowane Witoldowi Mańczakowi w siedemdziesięciolecie urodzin*, вышедшую в Кракове под редакцией А. Бохняковой и Станислава Видляка [*Munus amicitiae*. 1995]).

Название данного обзора говорит о том, что профессор В. Маньчак является языковедом с исключительно широкими научными горизонтами. Не будучи в состоянии осветить всех аспектов деятельности ученого, обратимся к некоторым его трудам, прежде всего монографическим исследованиям, связанным со славистикой и индоевропеистикой. В «Списке литературы» приведем также некоторые статьи, наиболее показательные для научного профиля ученого. Особо отметим, что его вклад в славистическую науку – в историю славянских языков, этимологию, чрезвычайно велик. Исключительно важен и его вклад в историю славистики, в частности, в дело развенчивания расхожих утверждений и устаревших убеждений.

Остановимся на некоторых аспектах монографии «Доисторическая миграция славян и происхождение церковно-славянского языка» (Mańczak 1995). Монография состоит из четырех глав, заключения и библиографии. В первой главе «Сущность языкового родства» даются интересные сведения по вопросу изучения языковых семей: «существование индоевропейских языков было открыто в 1786 г., существование угрофинских языков – в 1739. Однако уже в 1610 г. И.Ю. Скалигер (Scaliger) отдавал себе отчет в существовании романских, германских и славянских языков» (с. 8). Немецкий специалист по восточным языкам И. Лудольф (XVIII в.) был первым, обратившимся к проблеме самой сути языкового родства, принимая за основу грамматическое родство. В. Маньчак в качестве критерия языкового родства выдвигает критерий наличия между родственными языками регулярных соответствий, в то же время он опровергает целый ряд положений из серии «принято считать». Так, на основе проведенного анализа конкретного материала и статистических выкладок он указывает, что между польским и русским больше фонетических сходств, чем между украинским и польским язы-

ками, хотя принято подчеркивать большее родство между польским и украинским.

Практически свободное знание большого количества древних и современных языков способствует масштабности охвата В. Маньчаком языкового материала. В. Маньчак указывает, что принцип, согласно которому языковое родство зависит от грамматической структуры, был поставлен под сомнение австрийским ученым Г.Р. Зольта, который в 1960 г. в докторской диссертации, посвященной месту армянского языка среди других индоевропейских языков, вел подсчет не лексем как таковых, а их употреблений в текстах. В. Маньчак делает выводы, что «традиционное мнение, согласно которому степень родства зависит от грамматической структуры, ошибочно <...>, степень родства зависит исключительно от лексики, при том, что слова надо считать в таких текстах, где они сохраняют такую существенную черту, какой является частотность их употребления» (с. 20). Ведь «язык – это не что иное, как тексты, устные и письменные» (с. 23).

Исходя из этого «индоевропейский характер французского языка совершенно очевиден, так как во французских текстах большинство слов имеет индоевропейский характер» (с. 25). На основе терминологического анализа знаменитая дихотомия Соссюра *язык* и *речь* означает, по В. Маньчаку, с одной стороны, грамматику и лексику (то есть „langue”), а с другой стороны – тексты („parole”) (с. 23). В. Маньчак обращает внимание на принципиальный характер различий между традиционными концепциями языкового родства и предлагаемой им концепцией: «Принимая во внимание словоизменение, можно доказать родство между весьма ограниченным количеством флективных языков (применяя критерий словоизменения невозможно даже обосновать романо-германский характер английского языка или славянский характер болгарского языка, <...> метод, состоящий в определении языкового родства с помощью сопоставления лексики в параллельных текстах, носит универсальный характер: он релевантен для всех языков мира – как флективных, так и нефлективных» (с. 26). В. Маньчак обращает внимание на то, что ряд языковедческих дискуссий, в том числе и дискуссий по поводу языкового родства, вполне разрешим, если учитывать количественный аспект языковых явлений. Он подчеркивает, что заимствованных слов в славянских языках меньше, чем исконных, «в качестве исключения может так случиться, что в текстах количество заимствований начинает превышать количество исконных слов. Тогда язык из одной языковой семьи переходит в другую...» (с. 27).

В разделе «Прародина славян» В. Маньчак отмечает, что проблема прародины славян, ее местоположение, относится к старейшим и имеющим исключительно высокий ранг проблемам славистики. Не-

смотря на обширную литературу по этому вопросу, единодушие ученых не наблюдается вплоть до сего дня. В. Маньчак дает краткий обзор многочисленных и разнообразнейших концепций с указанием их главных представителей. Суммируя суть этих концепций, В. Маньчак указывает, что ученые в своих поисках прародины славян в качестве места ее месторасположения (в совокупности называемых ими регионов и территорий) указывают на обширнейшую территорию «от Лабы за Урал, от Дуная по истоки Днепра» (с. 32). Решение проблемы осложняется случаями изменения учеными точки зрения. В. Маньчак задается вопросом, как объяснить имеющиеся различия во взглядах на локализацию прародины славян. Одно из объяснений наличия разногласий он находит в отсутствии единого мнения по поводу локализации во времени периода существования праславянского языка, продолжительности этого периода и этапов развития этого языка, времени его распада и начала формирования в его недрах самостоятельных этноязыковых групп.

Обзор В. Маньчака наглядно демонстрирует, что «говоря о праславянском языке, не все ученые имеют в виду один и тот же период» (с. 33). Но еще более веской причиной наличия разброса во мнениях В. Маньчак считает зыбкость аргументации в вопросе о местонахождении прародины славян. Многие исследователи пытались решить вопрос путем ссылок на других авторов, забывая о недостаточной степени точности и достоверности этих свидетельств. Так, в упоминаниях Птолемея о Венетском заливе остается загадкой место локализации такового. По этому поводу существует большой разброс во мнениях: идет ли речь обо всей Балтике или о какой-то ее части – о Гданьском, Рижском заливах или о каком-либо еще. В. Маньчак полагает, что разнообразие интерпретаций говорит о неточности самого понятия Венетского залива – равно как и иных географических понятий в произведениях других авторов.

В. Маньчак приводит аргументацию А.А. Шахматова, утверждавшего, что название одного из левых притоков Днепра – *Десна* – говорит о том, что миграция славян осуществлялась в северном направлении. Эта аргументация в свою очередь вызвала возражения у М. Фасмера, указавшего на существование в Чехии и Моравии двух рек под названием *Десна*, которые также являются левыми притоками. Если учесть тот факт, что в слове *левый* содержится и семантика *плохой*, название *Десна* для названия левого притока может представлять собой эвфемизм такового. В заключение своего анализа В. Маньчак говорит о необходимости углубления научной базы этногенетических исследований, в частности – исследований этногенеза славян. Он указывает, что постановка этногенетических исследований на научные рельсы – их сциентизация – должна осуществляться на базе постулатов: 1) отделения аргу-

ментов, поддающихся проверке с помощью статистики, от аргументов, не подлежащих такого рода верификации, 2) необходимости опоры исключительно на верифицируемые аргументы. Среди его выводов, в частности, тот, что языки-соседи, как правило, похожи друг на друга больше, чем языки, территориально не соположенные (так, словацкий язык больше похож на польский, чем на сербохорватский). Он также показывает, что «отношения языкового родства проявляют удивительную стабильность» (с. 35).

Вот в сокращении некоторые выводы В. Маньчака: германские языки больше похожи на славянские, чем на балтийские, отсюда в доисторический период славяне, как и в исторический период, проживали между германами и балтами. Польский язык имеет больше сходств с древнепрусским, чем с литовским, что означает, что славяне жили исходно ближе к местам поселений древних пруссов, чем литовцев. Итальянская лексика имеет больше аналогий с польским, чем с литовским, отсюда в доисторический период, как и в исторический, славяне проживали ближе к Италии, чем к балтам. Германские языки больше похожи на славянские, чем на романские. Ирландский язык больше похож на польский, чем на литовский, отсюда в доисторический период, как и в исторический, кельты жили к славянам ближе, чем к балтам.

В. Маньчак подчеркивает, что «из всех творений культуры, как материальной, так и духовной, язык эволюционирует медленнее всего» (с. 47), в связи с чем у языкознания несоизмеримо большие возможности в реконструкции прошлого, чем у других гуманитарных наук. Так, «метод сопоставления лексики в параллельных текстах, написанных на современных романских языках, позволяет с большой точностью реконструировать хронологию римских завоеваний, которые начались 2400 лет назад» (с. 47).

С целью выявления лексических соответствий в славянских языках В. Маньчаком были применены продуктивные методы сопоставления и составлены обширнейшие списки лексических соответствий между современными славянскими языками (с. 50-158). В целом же в монографии были показаны продуктивные методы сопоставления лексики в параллельных текстах, с помощью которых решались вопросы языкового родства, прародин славян, прародин гот, классификации романских языков, доисторической миграции славян, происхождения старославянского языка. Явным достоинством применяемых В. Маньчаком методик является их статистическое базирование, благодаря которому достигается возможность верификации получаемых результатов.

В монографии «Вавилонская башня» (Mańczak 1999) охватывается обширный материал индоевропейских и распространенных на территории Европы и Азии неиндоевропейских языков с точки зрения истоков

их развития, языкового родства и древнейшей локализации их носителей. В книге имеется две главы: 1. «Исторический период» и 2. «Доисторический период», которые в свою очередь распадаются на разделы и подразделы. Так, раздел «Индоевропейские языки» первой главы представлен подразделами «Славянские языки», «Балтийские языки», «Германские языки», «Романские языки», «Кельтские языки», «Греческий язык», «Албанский язык», «Цыганский язык».

В разделе «Неиндоевропейские языки» имеются подразделы «Угро-финские языки», «Гюркские языки», «Баскский язык», «Этрусский язык». Во второй главе «Доисторический период» имеются разделы «Новый метод: сопоставление лексики а параллельных текстах», «Прародина готов», «Прародина славян». Остановимся на разделе «Индоевропейская прародина», в котором подчеркивается, что на индоевропейских языках говорит половина всего человечества (53%) и «ничто не говорит о том, что процессу индоевропеизации предстоит затормозиться» (с. 129). В. Маньчак полемизирует с разными точками зрения по вопросу о индоевропейской прародине, в частности, он обращается к известным работам по этому вопросу Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, полагающих, что индоевропейская прародина находилась у озера Урмиш (то есть на армянской языковой территории).

В. Маньчак высказывается по этому поводу: «...это мнение неправдоподобно, так как что касается языкового сходства с другими индоевропейскими языками, армянский язык в моем списке находится на предпоследнем месте. Это язык, в котором следы субстрата видны на каждом шагу» (с. 141). В. Маньчак подчеркивает значимость этногенетических исследований, связанных с прародиной, «не только самих по себе, но также в связи с их большим значением для этимологии» (с. 142). Он подчеркивает славянскую и одновременно угро-финскую этимологию названия Волги и указывает, что на территории Польши имеется несколько рек с названием Wilga 'Вильга', содержащих в названии элемент *wlaga*. С этим названием тождественна и номинация птицы – *wilga* 'иволга', пение которой предвещает дождь. Общий вывод из этногенетических исследований В. Маньчака гласит, что «история индоевропейских народов не является антитезой их предыстории (как представляют себе многие исследователи), но, напротив, является продолжением предыстории индоевропейских народов» (с. 143), что подтверждается и расчетами В. Маньчака, выполненными им на основе лексики, обследованной в параллельных текстах.

В монографии «Происхождение старославянского языка и Зографское евангелие» (Mańczak 2006) обсуждаемая проблематика интерпретируется в широком плане и имеет выход в языковедческие мифы. Данная монография состоит из четырех глав и Библиографии. В главе

«Сущность языкового родства» автор обращается к проблеме критериев языкового родства, и в частности, к одному из первых высказанных мнений по этому поводу – к мнению И. Лудольфа о том, что языковое родство проявляется не в словарном составе, а в грамматике. В. Маньчак указывает, что такое мнение, хотя в силу инерции и повторялось многими учеными, является ошибочным, и в анализируемой главе многократно его опровергает. В. Маньчак указывает, что вопрос о родстве славянских языков, об их выделении из индоевропейских наряду с германскими, балтийскими и другими языками со всей очевидностью должен решаться на основе анализа лексики, а не грамматики.

Точно так же вопрос о делении славянских языков на восточнославянские, западнославянские и южнославянские также предопределяется лексическими сходствами, а не грамматическими. Метод, с помощью которого В. Маньчак определяет степень языкового родства между разными языками – славянскими и другими индоевропейскими языками, а также степень родства внутри славянских языков, строится на анализе параллельных текстов. На основе такого анализа им, в частности, определяется большее сходство французского языка и латыни, чем латыни и готского. На основе анализа В. Маньчак делает вывод об ошибочности мнения о том, что якобы грамматическая структура предопределяет языковое родство. «В действительности же не фонетические признаки и словоизменительные морфемы, но корни позволяют определить степень языкового родства, с тем, что корни следует исследовать не в словарях, а в параллельных текстах» (с. 11). И далее: «в подавляющем большинстве случаев самой устойчивой частью слова оказывается корень» (с. 16). В поддержку своего тезиса В. Маньчаком в статистической обработке приводятся данные по сопоставительному анализу грамматических и лексических свойств языков в параллельных текстах. Для установления языкового родства В. Маньчак применяет метод сопоставительного анализа грамматики и лексики в параллельных текстах.

Хотя принцип И. Лудольфа ученые не осмеливались критиковать, на практике же они нередко отходили от его принципа, провозглашающего зависимость языкового родства от грамматической структуры. При этом В. Маньчак постулирует необходимость исследования языкового родства не путем подсчета лексем в словарях, но путем их подсчета непосредственно в текстах, ибо именно в них «слова сохраняют существенный признак, коим является частотность их употребления» (с. 19). В. Маньчак аргументирует свой постулат тем, что ведь и сам «язык есть не что иное, как тексты, устные или письменные» (с. 20). И далее: «грамматика и словарь – лишь результат языковедческих действий, а предметом лингвистики являются тексты» (с. 21). При этом сосюрвовское *langue* – подразумевает грамматику и словарь, а *parole* – тексты; при

этом синхронное, диахронное и панхроническое языкознание по Сосюру подразумевает, по сути, уже известные понятия – описательное, историческое и общее языкознание.

Параллельные переводы текстов Священного писания на полабском и нижнелужицком языках демонстрируют более тесное языковое родство между полабским и нижнелужицким, чем между польским и этими языками. В то же время статистические исследования показывают большее языковое родство польского с кашубским, чем с полабским и нижнелужицким, что объясняется 1000-летним периодом жизни кашубов в составе польского государства, следствием чего стало превращение кашубского языка в диалект польского языка.

В. Маньчак указывает на принципиальные различия между традиционным подходом к языковому родству и подходом, предлагаемым им. Он указывает, что исходя из критериев словоизменения возможно установление родства лишь между весьма ограниченным числом языков (такой критерий не позволяет даже установить романский характер французского, германский характер английского и славянский характер болгарского языков). В то же время метод установления языкового родства на основе сопоставления лексики в параллельных текстах носит универсальный характер, так как может быть распространен на все языки мира, как флективные, так и нефлективные.

В разделе «Генезис староцерковнославянского языка и Мариинское евангелие» В. Маньчак, подчеркивая, что языковое родство предопределяется не фонетикой и не словоизменением, а лексикой, предпринимает сопоставительный анализ лексических соответствий старославянского языка и всех современных славянских языков. Он сопоставляет переводы восьми разделов Мариинского евангелия, устанавливает в пределах такого сопоставления своего рода иерархию сходств. Более всего лексических сходств проявляется между старославянским и русским языками (1065), за ними идет сербскохорватский язык. Затем следуют словенский, македонский, болгарский, польский, белорусский, украинский, чешский, словацкий, верхнелужицкий и нижнелужицкий языки. Таким образом, наибольшее количество лексических сходств обнаруживается между старославянским и русским языками – в связи с тем, что в исторический период русский подвергся большому влиянию церковнославянского языка (приводится пример распространенного выражения «Да здравствует Советский Союз!», в котором абсолютно все слова имеют староцерковнославянскую родословную). С помощью того же типа анализа В. Маньчак показал, что словенский язык связан более всего с западнославянской группой языков, в то время как сербскохорватский и болгарский обнаруживают связь с восточнославянскими языками. При этом южнославянские языки проявляют больше

сходств с русским языком, чем с белорусским и украинским. Лексическое сходство между сербскохорватским и старославянским языками отводит сербскохорватскому роль своего рода промежуточного звена между словенским, с одной стороны, и македонским и болгарским – с другой стороны. Учитывая же западнославянские истоки словенского языка, старославянский язык рассматривается как своеобразный «компромисс между македонско-болгарским диалектом и моравско-паннонским наречием» (с. 20). При этом делается предположение, что Кирилл и Мефодий, осуществившие переводы с греческого на известное им македонско-болгарское наречие, впоследствии вносили в свои переводы определенные модификации, чтобы переводимые ими тексты были понятнее западным славянам.

В главе «Критика второй «нормы» М. Дж. Бартоли» В. Маньчак указывает, что в языкознании уже более 80 лет господствует мнение итальянского романиста Бартоли о том, что «языки или говоры, употребляемые на периферии данной территории, носят более архаический характер, чем языки или наречия, выступающие в центре данной территории» (с. 30). Исходя из данного принципа, Бартоли создал так называемые нормы, касающиеся соотношения языковых явлений и их локализации на земном шаре. В одной из таких норм провозглашается принцип, что новации более многочисленны на исконной территории зарождения языка, чем на территории его последующего распространения. В. Маньчак подчеркивает, что такое мнение всегда казалось ему иррациональным. Для выяснения истины В. Маньчак сопоставил норму Бартоли с обширным лексическим материалом словаря Buck A. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages (этот словарь содержит эквиваленты на латинском, испанском, французском, итальянском и румынском языках).

Полный материал эксцерпций из этого словаря, проанализированных В. Маньчаком, показывает ошибочность обобщения М. Дж. Бартоли о том, что периферийные языки более архаичны, нежели центральные: «Хотя в периферийном испанском языке больше архаизмов, чем в центральном французском, но центральный французский демонстрирует большее количество архаизмов, чем периферийный румынский язык, а центральный итальянский язык по количеству архаизмов превышает оба периферийных языка: как испанский, так и румынский» (с. 32). Вышеупомянутый принцип Бартоли подвергся верификации В. Маньчаком на текстах.

Так, В. Маньчак сопоставил фрагмент из народной латыни с его итальянским, испанским и румынским переводами. При этом «в эксцерпированных фрагментах из Евангелия более всего сходств с латынью (то есть более всего архаизмов обнаружилось в итальянском тексте, а

именно, 320» (с. 32), затем следует испанский (256), а наименее таковых имеется в румынском языке (98). И это открытие является очередным доказательством того, что М. Дж. Бартоли не прав и что периферийные области не являются более консервативными, нежели центральные. В. Маньчак указывает, что в своей книге от 1991 г. дал новую классификацию романских языков, составленную на основе их лексических сходств в текстах. В этой книге на этимологическом материале показано, что итальянский язык является более архаичным, чем периферийные языки – испанский и румынский.

В. Маньчак подчеркивает, что благодаря тому, что нам известен прароманский язык – латынь, может быть решен вопрос о том, какой язык является архаичным, а какой не является. На материале германских языков проверить адекватность *принципа Бартоли* сложнее, поскольку, во-первых, сам М. Дж. Бартоли не высказал своего мнения по поводу того, какие из германских языков считать центральными, а какие периферийными, а во-вторых, прагерманский язык не зафиксирован. Очевидно, что готский язык (записанный в IV веке) был ближе к прагерманскому, чем современные языки. В. Маньчак полагает, что центральным можно было бы считать нижненемецкий диалект, если учесть, что на север от него выступают скандинавские языки, а на запад – голландский, фризский и английский. При этом «лексических соответствий между готским и нижненемецким было 99, а между готским и шведским – 49, что является очередным доказательством против утверждения о том, что якобы периферийные языки более консервативны, чем центральные» (с. 33). В. Маньчак сетует на то, что за последние 40 лет его выводы об ошибочности мнения Бартоли замалчивались, то есть, с одной стороны, никто его не поддержал, с другой стороны – никто не вступил с ним в дискуссию.

В главе «Генезис староцерковнославянского языка и Зографское евангелие» В. Маньчак информирует о том, что в 2004 г. в научном журнале «Rocznik Slawistyczny» вышла его статья, озаглавленная «Староцерковнославянский язык не есть староболгарский», снабженная комментарием редколлегии журнала о том, что ею не разделяются изложенные в статье взгляды, полемика с этими взглядами предпринята не была. В данном разделе В. Маньчак, продолжив работу по текстовому сопоставлению лексем, переходит от сопоставления разделов Маринского евангелия к сопоставлению тех же разделов уже на материале Зографского евангелия. При этом им соблюдались, в частности, ниже следующие принципы: 1) при сопоставлении анализировались только слова славянского происхождения, 2) учитывались лишь слова, имеющие соответствия во всех анализируемых текстах, 3) родственными считались слова с одним и тем же корнем, 4) если композиту в одном

языке соответствовали два слова в другом языке, принимались во внимание оба корня композита, 5) если композиту или сращению в одном языке соответствовал лишь один корень в другом языке, автор принимал во внимание лишь один этот корень. Таким путем был составлен перечень лексических соответствий между старославянским текстом и его переводами на современные славянские языки с указанием частотности слов в сопоставляемых текстах (с. 39-84). В. Маńczyк подчеркивает, что с точки зрения лексических связей со старославянским языком, более всего их обнаруживается в сербскохорватском, менее – в словенском, еще меньше – в македонском и болгарском. Он указывает на необходимость широкой научной дискуссии по обсуждаемым им вопросам, так как именно в такой атмосфере может развиваться наука, и отрицательную роль отсутствия таковой и замалчивания результатов работы коллег.

Л и т е р а т у р а

- Munus amicitiae. *Studia językoznawcze dedykowane Witoldowi Mańczykowi w siedemdziesięciolecie urodzin / Pod red. Anny Bochniakowej i Stanisława Widłaka.* Kraków: Nakładem Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1995. 225 s.
- Mańczyk W. Pochodzenie ó w dwóch // *Slavia Occidentalis.* 1996. S. 53–33.
- Mańczyk W. Wieża Babel. Wrocław et al.: Ossolineum, 1999. 161 s.
- Mańczyk W. Pierwotne znaczenie prasłowiańskiego *obědъ // *Rocznik Sławistyczny.* 2003. T. LIII. S. 9–13.
- Mańczyk W. Staropolskie pul ‘pół’ // *Język Polski.* LXXVI. Nr 4-5. S. 285–316.
- Mańczyk W. Etymologia rosyjskiego ma ‘i’ // *Slavia Orientalis.* 2003. T. LII. Nr 1. S. 111–113.
- Mańczyk W. Przedhistoryczne migracje słowian i pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 2004. 168 s. (Rozprawy Wydziału filologicznego. T. LXXXV).
- Mańczyk W. Deutsche Lehnwörter in der polnischen Terminologie des Handwerks // *ZAM Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters, Jahrgang 34, 2006, Seite 143-146.* Verlag Dr Rudolf Habelt GmbH, Bonn. S. 143-146.
- Mańczyk W. Pochodzenie języka staro-cerkiewno-słowiańskiego a Kodeks zografski. Warszawa: Takt, 2006. 88 s. (Semiosis lexicographica, v. XXVIII).
- Mańczyk W. Glottochronologia a prehistoria Słowian // *Rocznik Sławistyczny.* 2006-2007. T. LVI. S. 53–60.
- Mańczyk W. O metodach badań nad etnogenezą Słowian // *Rocznik Sławistyczny.* 2006-2007. T. LVI. S. 45–51.
- Mańczyk W. Etymologia rosyjskiego *когда* // *Slavia Orientalis.* 2007. T. LVI. Nr 4. S. 539–541.
- Mańczyk W. *Linguistique générale et linguistique indo-européenne / Polska Akademia Umiejętności, Wydział filologiczny; Uniwersytet Jagielloński, Wydział filologiczny.* Kraków, 2008. 163 s.
- Mańczyk W. O kryteriach prawdy w językoznawstwie // *Prawda – prawdy – mity – fałszywe w językoznawstwie / Red. naukowa Witold Mańczyk i Jan Wawrzyńczyk.* Warszawa: Takt, 2009. S. 75–85.